

Научная статья

УДК 811.161.1

DOI: 10.18384/2949-5008-2025-4-77-90

ИДЕОЛОГЕМА *РУССКАЯ ИДЕЯ* И ЕЁ ЯЗЫКОВЫЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ В ФИЛОСОФСКОМ ТЕКСТЕ Н. БЕРДЯЕВА

Федорченко Е. А.

Российская таможенная академия, г. Люберцы, Российская Федерация

e-mail: fedorchenko-ea@mail.ru

Поступила в редакцию 18.02.2025

Принята к публикации 27.02.2025

Аннотация

Цель. Выявить языковые репрезентации лингвокогнитивного феномена *русская идея* в одноимённой книге Н. Бердяева, обуславливающие контекстуальные семантико-когнитивные и прагматические особенности значения данного словосочетания в тексте.

Процедура и методы. Семантико-когнитивный анализ данной идеологемы проводится на основе комплексной методологии, включающей описательно-аналитический метод исследования компонентов составного наименования *русская идея*, методы контекстного и концептуального анализа.

Результаты. Установлены языковые средства репрезентации идеологемы *русская идея* в сочинении Н. Бердяева: фразовые аспектные характеристики идеологемы; прецедентные антропонимы и прецедентные тексты; терминологические единицы, являющиеся концептуальными доминантами лингвоментального конструкта *русская идея*; наименования духовных ценностей, определяющих специфику национальной ментальности.

Теоретическая и/или практическая значимость. Полученные результаты могут быть использованы в теории текста, при изучении языковой картины мира и языковой личности автора.

Ключевые слова: амбивалентность семантики, идеологема, прецедентный антропоним, прецедентный текст, составное наименование

Для цитирования:

Федорченко Е. А. Идеологема *русская идея* и её языковые репрезентации в философском тексте Н. Бердяева // Отечественная филология. 2025. № 4. С. 77–90. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2025-4-77-90>.

Original research article

RUSSIAN IDEA AND ITS LINGUISTIC REPRESENTATIONS IN N. BERDYAEV'S PHILOSOPHIC TEXT

E. Fedorchenko

Russian Customs Academy, Lyubertsy, Russian Federation

e-mail: fedorchenko-ea@mail.ru

Received by the editorial office 18.02.2025

Accepted for publication 27.02.2025

Abstract

Aim. In the study such linguistic representations of the Russian idea in N. Berdyaev's book, named the same as the analyzed phenomena, are examined, which determine contextual semantic-cognitive and pragmatic features of the meaning of this ideologeme in the text.

Methodology. Both the semantic and cognitive analysis of the Russian idea and the semantic interpretation of its contextual meanings are revealed by using comprehensive methodology, including a descriptive and analytical methods to study components included in the compound name, and methods of contextual and conceptual analysis.

Results. The linguistic means of representing the Russian idea in Berdyaev's work have been revealed. They are the following means: phrasal aspect characteristics of this ideologeme, precedent anthroponyms and precedent texts, terminological units that are conceptual dominants of the linguistic construct of the Russian idea, names of spiritual values that determine the specifics of national mentality.

Research implications. The obtained results can be applied in studying the theory of text, the linguistic picture of the world, and the linguistic personality of the author.

Keywords: semantic ambivalence, ideologeme, precedent anthroponym, precedent text, compound name

For citation:

Fedorchenko, E. A. (2025). Russian Idea and Its Linguistic Representations in N. Berdyaev's Philosophic Text. In: *Russian Studies in Philology*, 4, pp. 77–90. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2025-4-77-90>.

Введение

Новым смыслом наполняются слова Николая Александровича Бердяева, написанные на чужбине незадолго до смерти: «Я очень известен в Европе и Америке, даже в Азии и Австралии, переведён на много языков, обо мне много писали. Есть только одна страна, в которой меня почти не знают, это моя родина».¹

В новой России труды Н. Бердяева издаются огромными тиражами, а интернет-коммуникация обеспечила им широкую распространённость и общедоступность. Но знаем ли мы Н. Бердяева? Сложность ситуации обусловлена даже не тем, что постижение философского текста требует определённой подготовки, интеллектуальной и духовной зрелости. Развитие мировой истории и сложность цивилизационного выбора России в XXI веке, поиски *русской идеи* в новых исторических условиях создают тот контекст, в котором глубина мысли философа Н. Бердяева превращается в бездну. В связи с этим остаётся бесспорным то, что сегодня творческое наследие этого русского философа явля-

ется неотъемлемой частью национальной культуры, средоточием важного духовного опыта, ценностных ориентиров и для отдельного человека, и для российского общества в целом.

Посвящая своё творчество фундаментальным вопросам человеческого существования, Н. Бердяев в свойственной ему манере свободного философствования умел обозначить те болевые точки, которые на каждом новом этапе социально-исторического развития России стимулируют поиски путей разрешения противоречий общественной жизни. Стремление Н. Бердяева понять *русскую идею как замысел Божий о России*, глубина его философского анализа определяют трактат о *русской идее* как национально-культурную ценность, превращают его в прецедентный текст [1, с. 216], обращение к которому многократно возобновляется сегодня в неугасающих спорах о национальной идее как высшей форме самосознания нации.

В историософии о *русской идее* написаны горы книг. При этом *русская идея* и содержательно, и формально осознавалась представителями русского народа по-

¹ Бердяев Н. Самопознание: опыт философской автобиографии. М.: Мысль, 1991. С. 300.

разному, нередко в противоречии с ходом исторического процесса. *Русская идея* как смысл истории России, как проявление русского мессианского сознания предстала в образах «Нового Иерусалима» и «Святой Руси», в теории инок Филофея о Москве, как Третьем Риме, в идеях панславизма и коммунизма. Трагизм русской исторической судьбы, обусловленной необходимостью формирования и защиты огромного государства во враждебном ему окружении, конкретно-историческое содержание внешнеполитических связей России с другими странами в её вековой истории, к сожалению, мало меняют сегодня отдельные негативные тенденции в развитии междисциплинарных взаимоотношений. По-разному понимаемая или вообще отрицаемая *русская идея* сегодня является предметом жёстких дискуссий как в нашей стране, так и за её пределами.

С лингвистической точки зрения представленные в гуманитарной науке обзоры социально-политических и философских исследований *русской идеи*¹ значимы для понимания содержания словосочетания *русская идея*, поскольку анализ выдвигаемых положений позволяет выявить то общее в семантике изучаемого составного наименования, что прорывается сквозь разнообразные формы движения национальной философской мысли.

Наряду с этим в языке науки при характеристике *русской идеи* данное словосочетание сопровождается целый ряд не тождественных по своему значению номинаций. *Русскую идею* называют лингвокультурологическим понятием, культуремой, философским термином, аксиологемой, идеологемой, концептом, идеологическим концептом [см.: 2–6 и др.], причём каждое из таких рационально созданных в языке науки терминологических наименований имеет различные дефиниции и интерпретации этих дефиниций. Всё это обуславливает *актуальность* изучения се-

мантики номинативной единицы *русская идея* в контексте одноимённого трактата великого русского философа Николая Александровича Бердяева.²

Цель исследования – выявить языковые репрезентации лингвокогнитивного феномена *русская идея* в философском тексте Н. Бердяева. Для достижения указанной цели представляется необходимым решение следующих задач: охарактеризовать семантико-когнитивные и прагматические аспекты значения словосочетания *русская идея* в одноимённой книге Н. Бердяева; выявить языковые средства контекстуальной репрезентации семантики данного словосочетания; установить корпус терминологических наименований, используемых автором для определения концептуальных доминант лингвоментального конструкта *русская идея* в философском дискурсе (на материале книги Н. Бердяева «Русская идея»).

Достижение поставленной цели может быть значимо для развития современной антропоцентрической лингвистики, лингвокультурологии, политической лингвистики, теории текста.

Составное наименование *русская идея* как лингвокогнитивный феномен

Человек живёт в мире не только вещей, но и идей. Именно идеи, их выбор в значительной степени определяют жизнь человека. Глобальные по своему содержанию идеи – идеи философской направленности – играют существенную роль в жизни не только отдельного человека, но и общества, государства, отдельной цивилизации.

В настоящее время общеизвестным фактом является то, что семантика словосочетания не есть простая сумма значений слов, входящих в структуру данного словосочетания. Обычно это нечто большее, однако для процессов понимания и интерпретации номинативной единицы аналитической структуры всё же необходимо глубокое погружение в семантику каждого входящего в данную структуру компонента.

¹ См.: [2]; Маслин М. А. Русская идея [Электронный ресурс] // ЯндексДзен: [сайт]. 2023. URL: <https://dzen.ru/a/ZN9OA9r7zW9lqqLa> (дата обращения: 26.02.2024) и др.

² Бердяев Н. А. Русская идея. Судьба России. М.: Сварог и К, 1997. 541 с.

Лексему **идея** в Большом толковом словаре русского языка под ред. С. А. Кузнецова сопровождает следующее описание: **ИДЕЯ**, -и; ж. [греч. idea – образ, понятие, представление]. 1. Понятие, представление. *Отвлечённая и. Ассоциация идей. // Мысленный образ чего-л., понятие о чём-л. Идеи добра, справедливости, гармонии. И. общечеловеческой солидарности.* 2. Прочно сложившееся мнение, твёрдое суждение о чём-л.; определяющее положение в системе взглядов, воззрений. *Преданность своей идее. Политические, передовые идеи. Освободительная и.* 3. Мысль, замысел, намерение, план. *И. сохранения и упрочения мира. И. возрождения России. Прекрасная и. Им овладела какая-л. и. Подать, осуществить идею. Навязчивая и. (какая-л. мысль, постоянно, против воли сохраняющаяся в сознании).* 4. Основная мысль, определяющая содержание какого-л. произведения. *И. картины, поэмы, романа. Определить идею повести. И. выражена в рассказе совершенно отчётливо. // Основной принцип устройства чего-л. И. машины, какого-л. сооружения.* 5. В идеалистической философии: основная причина, начальная точка развития природы и общества. *Вечная и. Абсолютная и.*¹

Уже данная словарная статья представляет достаточную аргументацию для постановки эпистемологической проблемы соотношения идей и понятий как форм мышления. Полагаем, именно вследствие недостаточной разработки философской проблемы соотношения идей и понятий как форм мышления в настоящее время для определения специфики семантики словосочетания *русская идея* используется значительный ряд рационально созданных в метаязыке терминологических обозначений (*лингвокультурологическое понятие, культурема, аксиологема, идеологема, философский термин, концепт, идеологический концепт...*), которые вступают, как

это свойственно лексическим единицам, в системные отношения друг с другом, обретают авторскую интерпретацию в различных научных текстах и начинают жить своей жизнью в трудах представителей различных отраслей знания, что нередко таит в себе опасность подмены предмета научного исследования решением задач методологического аппарата (в процессе создания текста) или неоднозначной интерпретации научного текста (в процессе его функционирования).

Рассмотрение различных дефиниций указанных терминов метаязыка в рамках научной статьи считаем в принципе непродуктивным по причине огромного объёма материала. Без решения философской проблемы соотношения идей и понятий как форм мышления корпус терминов метаязыка, используемых при объяснении значения номинативной единицы *русская идея* (т. е. терминов, практически используемых в научном тексте в качестве гиперонимов данного словосочетания), вероятно, будет оставаться значительным, а составляющие его терминологические единицы будут подвергаться в различных контекстах семантическому варьированию. Примеров, демонстрирующих особенности индивидуально-авторской интерпретации парадигматических отношений указанных терминов метаязыка в научном тексте, множество. Приведём только один из них: «идеологема – идеологическое понятие, зафиксированное в языковой картине мира социума посредством идеологизированного слова или составного наименования, идеологический концепт – ментальное образование, имеет место в концептуальной картине мира. Соответственно, идеологема в широком понимании = идеологический концепт, в узком – лексема с идеологическим компонентом значения» [6, с. 349].

В лингвистических исследованиях последних десятилетий учёные, характеризую семантику таких номинативных единиц, как *идеологема* и *русская идея*, частотно оперируют термином *концепт*. Так, на основе контекстуального анализа фраг-

¹ Идея // Большой толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. URL: [https://gramota.ru/poisk/?query=идея&mode=slovari&dicts\[\]=42](https://gramota.ru/poisk/?query=идея&mode=slovari&dicts[]=42) (дата обращения: 16.05.2025).

ментов философского и политического дискурсов, включённых в Национальный корпус русского языка, предпринимается опыт моделирования в современном русском языке идеологического концепта *русская идея* с выделением в его когнитивной матрице прецедентного, прототипического, идеологически-оценочного, национально-культурного, идентификационного и ассоциативно-образного уровней [6].

Не подвергая сомнению права авторов применить такой подход к описанию сложного лингвокогнитивного феномена *русская идея*, считаем необходимым отметить и иную точку зрения. Выражая собственнo философский взгляд на проблему соотношения понятия и идеи как форм мышления, С. Н. Кочеров полагает, что попытка устранения её посредством замены исходных терминов *понятие* и *идея* лексемой *концепт* является, скорее, уходом от проблемы, чем её решением [7].

В современной науке никто не отрицает связи идей и понятий. Но целесообразно ли определять *русскую идею* как понятие (пусть и с идеологическим компонентом значения)? Идеи могут быть выражены в понятийной форме, но в них присутствует нечто, что выходит за пределы понятия. Полагаем, суть различий здесь на уровне прагматики функциональна. «Если понятия отражают мир, то идеи преобразуют его» [7]. Постановка проблемы разграничения понятий и идей на философском уровне являет ценный материал для размышления: *понятия отражают сущность, идеи выражают цель (идеал); понятия являются знаниями и ограничены сферой познания, идеи относятся к пониманию и обладают действенной силой; понятия ценностно нейтральны, идеи ориентируются на ценности; понятия более статичны, идеи более динамичны...* [7]

В семантику идеологемы *русская идея* целый комплекс сложных смыслов вносит и компонент *русский*.

В Большом толковом словаре русского языка под ред. С. А. Кузнецова слово *русский* объясняется следующим образом: **РУССКИЙ, -ая, -ое. 1.** К Россия и

Русь. *Р-ая история. Р-ая природа. Р. народ. Р-ая земля. 2.* Принадлежащий русским, созданный русскими или свойственный русским. *Р. язык. Р. литература. Р-ая культура...*¹

Вместе с тем в современном политическом дискурсе функционирует значительное количество целостных (воспроизводимых) номинативных единиц аналитической структуры с атрибутом *русский: русский дух, русский характер, русское оружие, русский мир* и др. [8; 9]. И всё это языковые единицы с амбивалентной, контекстуально зависимой, идеологически-оценочной семантикой. И, наконец, необходимо отметить тот языковой факт, что понимание в мире – за пределами Российской государственности – наименований *русские, русский* в знач. *сущ., русский народ* связано не столько с национальной идентичностью, сколько с гражданской принадлежностью: в глазах иностранцев русские – это граждане России, объединённые русским языком (и – позволим себе дополнение – идеалами, относящимися к трудно определяемой и неоднозначно понимаемой *русской идее*).

В данном исследовании в качестве основной единицы метаязыка избирается термин *идеологема* в его исходном значении, в котором этот термин, вероятно, впервые был использован М. М. Бахтиным [10, с. 146]. *Идеологема* прежде всего является репрезентацией определённой идеологии. Не отрицая правомерность рассмотрения идеологемы в плоскости *концепт – идеологема = идеологический концепт*, считаем необходимым указать на более близкие, как нам представляется, семантические отношения в ряду *идея – идеология – идеологема*. Именно идеологические, ценностные ориентиры общества, воплощённые в языковом знаке *русская идея*, предопределяют прецедентность изучаемого языкового знака как его узуальную лингвокультурологическую характеристику [11, с. 69].

¹ Русский // Большой толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. URL: [https://gramota.ru/poisk?query=русский&mode=slovari&dicts\[\]=42](https://gramota.ru/poisk?query=русский&mode=slovari&dicts[]=42) (дата обращения: 26.02.2024).

Термин *идеологема* характеризуется бинарной многозначностью: **идеологема** – ментальная единица идеологической (шире – языковой) картины мира, а также представляющая её вербальная единица, используемая как средство репрезентации идеологических установок и ценностей в языке. Такое определение, возможно, несколько сужает некоторые интерпретации данного термина, выработанные в теории языкознания, однако оно является достаточно точным для работы с языковым материалом исследования и, кроме того, в своей основе такая дефиниция не отвергает основополагающие теоретические установки современной науки, согласно которым «идеологема как ментальная единица характеризуется национальной специфичностью, динамичностью семантики, повышенной аксиологичностью, частотностью и разнообразием способов репрезентации знаками различных семиотических систем, в том числе и языковой» [5, с. 35].

Особенности репрезентации семантики наименования *русская идея* в одноимённой книге Н. Бердяева

Вершиной жанра философского трактата о *русской идее* не без оснований считают книгу Н. Бердяева «Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века» (Париж, 1946).

Данную проблематику русской философской мысли Н. Бердяев рассматривает прежде всего в контексте рассуждений о русском народе и особенностях истории России. Давая нелицеприятные характеристики «*национальному типу, народной индивидуальности*» («*Русский народ есть в высшей степени поляризованный народ, он есть совмещение противоположностей. ... он в высшей степени способен внушать к себе сильную любовь и сильную ненависть*»¹), автор связывает сложность и противоречия русской души с тем, что «*в России сталкиваются и приходят во взаимодействие два потока мировой исто-*

рии – Восток и Запад. Русский народ есть не чисто европейский и не чисто азиатский народ. Россия есть целая часть света, огромный Востоко-Запад, она соединяет два мира. И всегда в русской душе боролись два начала, восточное и западное».²

Автор устанавливает определённое соответствие между необъятностью, бесконечностью русской земли и русской души, *между географией физической и географией душевной*. В основу русской души легли языческая дионисическая стихия и аскетически-монашеское православие. В русском народе непостижимым образом соединились жестокость и доброта, деспотизм и вольность, индивидуализм и безличный коллективизм, национализм и универсализм, всечеловечность, искание Бога и воинствующее безбожие...

Анализируя ход русской истории, Н. Бердяев выделяет пять периодов, «*которые дают разные образы. Есть Россия киевская, Россия времён татарского ига, Россия московская, Россия петровская и Россия советская. И возможно, что будет ещё новая Россия*»³ (выделено нами. – Е. Ф.). И каждый из этих ликов России своеобразно транслирует *русскую идею*, устремляющую страну вперёд и ввысь.

В общей истории России философ выбирает век, в котором наиболее рельефно, по его мнению, проявилась *русская идея*. Этим веком, по Бердяеву, был XIX в. – *золотой век* русской литературы (время А. С. Пушкина, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого...), век становления русской философии.

Отметим факт, который не может не вызывать чувств некоторого смутения. В исследовании Н. Бердяева нет ни одной научной дефиниции *русской идеи*, словно *русская идея* – это сама русская мысль XIX века, её движение, приведшее к возникновению великой русской философии конца XIX – начала XX вв. Возможно, такая интерпретация и не лишена некоторых оснований, но сам автор подчёркивает: «*Меня сейчас интересует*

¹ Бердяев Н. А. Русская идея. Судьба России. М.: Сварог и К, 1997. С. 4.

² Там же. С. 4–5.

³ Там же. С. 6.

не история России XIX в., а история русской мысли XIX в., в которой отразилась русская идея».¹ Как следствие, семантика идеологемы *русская идея* представлена у Н. Бердяева текстуально, причём в тексте большого объёма. Найти и интерпретировать знаковые отражения *русской идеи* (языковые репрезентации идеологемы *русская идея*) для читателя фактически означает стать сотворцом философского текста. Не ограничивая какими бы то ни было дефинициями свободу мысли читателя, автор даёт ему возможность при неоднократном погружении в текст открывать всё новые и новые грани лингвокогнитивного феномена *русская идея*.

Характеризуя те или иные явления, автор оценивает их сквозь призму *русской идеи* (свойственно это *русской идее* или нет). И таких фразовых аспектных характеристик в тексте немало: **Огромность свободы** есть одно из полярных начал в русском народе, и с ней связана русская идея² (о текстуальном смысле термина *свобода* здесь необходимо говорить особо: *свобода* = *свобода духа*: В глубине русского народа заложена свобода духа большая, чем у более свободных и просвещённых народов Запада. В глубине православия заложена большая свобода, чем в католичестве³); **свобода любви** в глубоком и чистом смысле слова **есть русский догмат**, догмат русской интеллигенции, он **входит в русскую идею**, как **входит отрицание смертной казни**⁴; Достоевский более всего свидетельствует о том, что **славянофильство и западничество** одинаково подлежат преодолению, но оба направления **войдут в русскую идею**, как и всегда бывает в творческом преодолении⁵; ... **человечность** всё же остаётся одной из характерных русских черт, она **относится к русской идее на вершинах её проявления**⁶; Слово «**соборность**» непереводаемо на иностранные языки. **Дух собор-**

ности присущ православию, и **идея соборности, духовной коммюнитарности, есть русская идея**⁷; ...огромное значение в соловьёвском деле имеет его **утверждение пророческой стороны христианства**, и в этом оно более всего **входит в русскую идею**⁸ и др.

Фразовые репрезентации аспектных характеристик сложного семантико-когнитивного конструкта, обозначенного словосочетанием *русская идея*, вводятся в текст с помощью языковых маркёров *есть русская идея, относится к русской идее, входит в русскую идею, связан с русской идеей* или *с ним / с ней* связана *русская идея*. В таких фразовых характеристиках чаще утверждаются определённые составляющие *русской идеи*, при этом формируется отношение к ним как базовым ценностям: *свобода* = *духовная свобода*, *духовная коммюнитарность*, *соборность*, *любовь / свобода любви* /, *христианство*, *справедливость*, *социальная правда*. При этом в отдельных фразовых характеристиках *русской идеи* утверждается её несовместимость с теми или иными явлениями: **Отрицание смертной казни входит в русскую идею**⁹; Русская религиозно-философская мысль в своих лучших представителях решительно борется **против** всякого **юридического истолкования тайны христианства**, и **это входит в русскую идею**.¹⁰ В таких случаях в предложение, включающее один из указанных выше языковых маркёров, вводится дополнительный маркёр с отрицательной семантикой (в приведённых примерах это слова *отрицание, против*).

Контекстуальная связь наименования *русская идея* с наименованиями *русская тема, тема русской мысли, русское мышление, русская проблема*, осмысление которых невозможно вне связи с семантическим полем словосочетания *русская идея*, что обусловлено парадигматикой (общим компонентом *русская / русское*), транслирует и определённые семантико-прагма-

¹ Бердяев Н. А. Русская идея. Судьба России. М.: Сварог и К, 1997. С. 126.

² Там же. С. 41.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 96.

⁵ Там же. С. 62.

⁶ Там же. С. 76.

⁷ Там же. С. 141.

⁸ Там же. С. 154.

⁹ Там же. С. 46.

¹⁰ Там же. С. 151.

тические смыслы наименования *русская идея*: **Тема о столкновении личности и истории, личности и мировой гармонии есть очень русская тема**, она с особенной остротой и глубиной пережита русской мыслью¹ (и – позволим себе продолжить – получила определённое воплощение в русской идее); ... человек в том лишь случае сохраняет свою высшую ценность, свою свободу и независимость от власти природы и общества, если есть Бог и Богочеловечество. Это **тема русской мысли**²; Тема «интеллигенция и народ» чисто русская тема, малопонятная Западу³; Это была **борьба за личность**, и это **очень русская проблема**.⁴

В книге Н. Бердяева есть и развёрнутые контекстуальные характеристики, в которых автор стремится определить важные семантико-прагматические аспекты значения словосочетания *русская идея*: **«Идея» России** всегда обосновывалась пророчеством о будущем, а не тем, что есть⁵ («идея» России = русская идея); Очень важно отметить, что русское мышление имеет склонность к тоталитарным учениям и тоталитарным миросозерцаниям. Только такого рода учения и имели у нас успех. В этом сказывался религиозный склад русского народа. Русская интеллигенция всегда стремилась выработать себе тоталитарное, **целостное миросозерцание**, в котором **правда-истина** будет соединена с **правдой-справедливостью**. Через тоталитарное мышление оно искало совершенной жизни, а не только совершенных произведений философии, науки, искусства⁶ (полагаем, в данном контексте слово *тоталитарный* не имеет той ярко выраженной отрицательной коннотации, которая проявляется у него в настоящее время в политическом дискурсе; доказательством тому могут быть контекстуальные связи, возможность интерпретации

отношений в ряду определяемых слов как пояснительных: *тоталитарное*, т. е. *целостное миросозерцание*); Русские думали, что Россия – страна совсем особенная, с особым призванием. Но главным была не сама Россия, а то, что Россия несёт миру, прежде всего – **братство людей и свобода духа**.⁷

Языковыми знаками, непосредственно или опосредованно транслирующими семантику русской идеи в книге Н. Бердяева, являются и многочисленные прецедентные антропонимы [12, с. 43], среди которых имена правителей России (Юрик, Владимир Мономах, Иоанн Грозный, Пётр Великий, Александр I, Николай I и др.), вождей народных движений, знаменитых русских завоевателей и землепроходцев (Стенька Разин, Пугачёв, Ермак и др.), видных представителей духовенства (Кирилл и Мефодий, Иосиф Волоцкий, Нил Сорский, Максим Грек, Святой Филипп митрополит Московский, Аввакум, Никон, митрополит Платон, Св. Дмитрий Ростовский, архиепископ Иннокентий и др.), выдающихся деятелей науки и культуры (Новиков, Хомяков, Киреевский, Аксаков, Грановский, Герцен, Добролюбов, Писарев, Михайловский, Данилевский, Ключевский, Леонтьев, Чернышевский, Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Тютчев, Вл. Соловьёв, Толстой, Достоевский, Розанов, Фёдоров, Шестов, Флоренский, Булгаков, Бердяев, Трубецкой, Блок, Белый, Мережковский и многие другие). Примечательно, что автор в тексте использует преимущественно только фамилии, без инициалов и имён (редкими исключениями являются дифференцирующие написания К. Аксаков, Ив. Киреевский, Ю. Самарин, К. Леонтьев, В. Одоевский, Л. Толстой или написания, сопровождающиеся авторской оценкой, например, *денационализировавшийся В. Котошихин*).

Поскольку Н. Бердяев сосредоточен прежде всего на истории национальной философской мысли, в которой отразилась *русская идея*, каждое упоминание име-

¹ Бердяев Н. А. Русская идея. Судьба России. М.: Сварог и К, 1997. С. 65.

² Там же. С. 84.

³ Там же. С. 27.

⁴ Там же. С. 56.

⁵ Там же. С. 27.

⁶ Там же. С. 28–29.

⁷ Там же. С. 188.

ни человека, оставившего след в истории России, является репрезентацией не только информации об уникальной личности с её индивидуальными характеристиками и индивидуальной судьбой, но и репрезентацией определённой философской концепции, индивидуальной аксиологической парадигмы.

При этом для анализа различных концепций (в том числе и сопоставительного анализа) Н. Бердяев использует достаточно ограниченный корпус терминологических единиц социальной философии, которые являются в тексте Н. Бердяева концептуальными доминантами для построения лингвоментального конструкта *русская идея*: *народ, нация, национальность, личность, государство, власть, общество, свобода, культура, вера, церковь, соборность, коммунистичность* (реже в тексте используется вариант данного термина *коммунистичность*), *мессианиззм* (*национальный мессианиззм*), *христианство* (*социальное христианство, интерконфессиональное христианство*).

Основным вектором анализа различных аксиологических парадигм для Н. Бердяева является проблематика, связанная с *искажением социальной правды и идеей личности*. Философия личности у Н. Бердяева является сочетание богословских и собственно философских идей, рассматриваемых в контексте сложных вопросов, среди которых проблема *насилия и власти над человеком*.

Терминологические единицы социальной философии, являющиеся концептуальными доминантами лингвоментального конструкта *русская идея*, выполняют в тексте и методологическую функцию, т. е. используются Н. Бердяевым в качестве инструмента познания как при характеристике различных философских концепций, так и в их сопоставительном анализе:

Немецкий расизм есть натурализм в социологии. Михайловский защищал русскую идею, обличая ложь этого натурализма. Ту же идею я по-иному философски формулирую. Есть два понимания общества: или общество понимается как природа, или общество понимается как дух.

Если общество есть природа, то оправдывается насилие сильного над слабым, подбор сильных и приспособленных, воля к могуществу, господство человека над человеком, рабство и неравенство, человек человеку – волк. Если общество есть дух, то утверждается высшая ценность человека, права человека, свобода, равенство и братство. Михайловский имеет в виду это различие, но выражает его очень несовершенно, в биологических категориях. Это есть различие между русской и немецкой идеей, между Достоевским и Гегелем, между Л. Толстым и Ницше¹;

Размах религиозно-философской мысли Вл. Соловьёва был больший, но о Церкви вернее мыслил Хомяков²;

Русским одинаково свойственны персонализм и коммунистичность. В Достоевском соединяется и то и другое³;

Подводя итоги русской мысли XIX в. на социальную тему, русским исканиям социальной правды, можно сказать, что в России вынашивалась идея братства людей и народов. Это русская идея⁴;

«Русские» определяются «православием»⁵;

Идея Богочеловечества, выношенная русской мыслью и малопонятная западной католической и протестантской мысли, означает своеобразное понимание христианства. ... Христианство есть не только вера в Бога, но и вера в человека, в возможность раскрытия божественного в человеке. Существует соизмеримость между Богом и человеком, и потому только и возможно откровение Бога человеку⁶;

Новым в творческой религиозной мысли ... было ожидание, не всегда открыто выраженное, новой эпохи в христианстве, эпохи Св. Духа. Это и есть более всего русская идея.⁷

¹ Бердяев Н. А. Русская идея. Судьба России. М.: Сварог и К, 1997. С. 100.

² Там же. С. 144.

³ Там же. С. 69.

⁴ Там же. С. 111.

⁵ Там же. С. 10.

⁶ Там же. С. 149.

⁷ Там же. С. 167.

Вся история *русской идеи* свидетельствует о том, что её познание невозможно отделить от истории России. И сложный процесс осмысления мировоззренческого отношения мыслящей личности к России во всём богатстве её жизненных явлений и образов не мог быть свободен от роковых ошибок и трагических противоречий, цена которым в исторической перспективе иногда оказывалась чудовищной. Так, весь XIX в. интеллигенция, исповедуя безгосударственный, безвластный идеал, боролась с государством, империей и создавала крайние формы анархической идеологии (... *огромное государство, империя, представлялось изменой земле и народу, искажением русской идеи*¹). Подобные заблуждения и ошибки в ходе исторического процесса преодолеваются и исправляются также в ходе исторического процесса.

Прецедентные имена Л. Толстого и Ф. Достоевского в аспекте репрезентации русской идеи

Среди значительного корпуса прецедентных имён в философском трактате Н. Бердяева «Русская идея» особое место занимают антропонимы Толстой и Достоевский. Автор подчёркивает, что главными фигурами в религиозных исканиях XIX в. в России являются не философы, а романисты. Философские концепции Льва Николаевича Толстого и Фёдора Михайловича Достоевского вовлекаются автором в полиаспектный анализ в восьми главах книги «Русская идея» (из десяти, со второй по девятую): это проблемы философии истории, столкновения личности и мировой гармонии, проблема гуманизма, отношения к действительности, русского отношения к власти; искание социальной правды, странничество, эсхатологизм, мессианизм и многое другое. «*Достоевский и Л. Толстой очень русские, они невозможны на Западе, но они выразили универсально-общечеловеческое по своему значению*».²

Прецедентные имена Толстого и Достоевского включают в интертекстуальный диалог с читателем огромный пласт информации, имеющей непреходящую национально-культурную ценность. Поиски смысла жизни, духовного обновления, пути спасения человека от зла и страдания, религиозная проблематика – всё это мучило великую русскую литературу XIX века. «Темы русской литературы будут христианские и тогда, когда в сознании своём русские писатели отступят от христианства»,³ – напишет Н. Бердяев в «Русской идее».

В русском национальном сознании идея Царства Божьего понимается прежде всего как *царство правды*. Именно *правда* является одной из основ аксиологической парадигмы русской ментальности, что предопределяет слияние *русской идеи* с русским исканием *царства правды*, – и это было свойственно всей великой русской литературе. Толстой был великий *правдолюбец*. В необыкновенно *правдивой* русской литературе XIX в. он был самым *правдивым* писателем. В *русскую идею* Л. Толстой входит как очень важный элемент, без которого нельзя мыслить русского призвания. Если отрицание социального неравенства, *обличение неправды* господствующих классов есть очень существенный русский мотив, то у Толстого он доходит до предельного религиозного выражения.⁴ И далее: По своим исканиям правды, смысла жизни, исканиям Царства Божьего, своим покаяниям, своему религиозно-анархическому бунту против неправды истории и цивилизации, он *принадлежит русской идее*. Он есть русское противопоставление Гегелю и Ницше.⁵

Высокая оценка, данная автором Л. Толстому, вовсе не означает, что Н. Бердяев принимает религиозную философию Л. Толстого. Более того, данную философскую концепцию Н. Бердяев считает неприемлемой именно с точки зрения христианского сознания. Однако оценка, данная Л. Толстому, связана с личностью великого писателя в целом, с его жизненным

¹ Бердяев Н. А. Русская идея. Судьба России. М.: Сварог и К, 1997. С. 125.

² Там же. С. 58.

³ Там же. С. 23.

⁴ Там же. С. 106.

⁵ Там же. С. 159.

путём, его духовными исканиями, жаждой совершенной жизни, критикой социальной несправедливости и грехов исторического христианства.¹ Иницилируя полемику с учением Л. Толстого, Н. Бердяев демонстрирует глубокие знания философских истоков данной концепции и глубокое уважение к своему оппоненту: *Смысл толстовского непротивления насилию был более глубоким, чем обычно думают. ... Он прав, что насилием нельзя побороть зла и нельзя осуществить добра, но он не признаёт, что насилию нужно положить внешнюю границу. Есть насилие порабащающее, как есть насилие освобождающее.*²

Чрезвычайно остро выражает все противоречия русского духа и страстную напряжённость русской проблематики Ф. М. Достоевский. О внутренней дихотомии русского национального сознания («русской души» [13]) Н. Бердяев напишет: *«Национальное сознание Достоевского наиболее противоречиво, и полно противоречий его отношение к Западу. С одной стороны, он решительный универсалист, для него русский человек – всечеловек, призвание России мировое, Россия не есть замкнутый и самодовлеющий мир. ... Русскому народу свойственна всемирная отзывчивость. С другой стороны, Достоевский обнаруживает настоящую ксенофобию... В нём отражается двойственность русского народа, совмещение в нём противоположностей».*³

Достоевского мучит проблема теодицеи. Как примирить Бога и его творение мира, основанного на зле и страданиях? Как согласиться на сотворение мира, если в этом мире будет невинное страдание? Тема страдания станет центральной в творчестве Достоевского. *И в этом он очень русский.*

Достоевский гениально предчувствовал, что русский человек не сможет принять *принудительной мировой гармонии, счастливого муравейника, когда миллионы будут счастливы, отказавшись от личности и свободы.* Эта мысль с наибольшей силой

получит развитие в «Легенде о Великом Инквизиторе», являющейся одной из вершин русской философии о теме свободы. Для Достоевского отрицание свободы духа есть соблазн антихриста. *Достоевский не хочет мира без свободы, не хочет и рая без свободы, он более всего возражает против принудительного счастья.*⁴

Для Достоевского принудительное устройство царства земного есть римская идея. Все царства мира основаны на принуждении и на отрицании свободы духа. Римской идее, основанной на принуждении, Достоевский противопоставляет русскую идею, заключающую в себе свободу духа. Оценивая особенность мировоззрения великого писателя, автор приходит к выводу: *Достоевский, в сущности, религиозный анархист, и в этом он очень русский.*⁵

Достоевскому принадлежат великие открытия о человеке как существе противоречивом и трагическом. В его романах постигается экзистенциальная диалектика человеческого раздвоения. Герои Достоевского – люди двоящихся мыслей. В самой глубине бытия, в самой красоте заключена полярность. Однако и мир без страдания писатель принять не может: *Страдание не только глубоко присуще человеку, но оно есть единственная причина возникновения сознания. Страдание искупает зло. Свобода, которая есть знак высшего достоинства человека, его богоподобия, переходит в своеволие. Своёволие же порождает зло. Зло есть знак внутренней глубины человека. Достоевский открывает подполье и подпольного человека, глубины подсознательного. Из этой глубины восклицает человек, что он хочет «по своей глупой воле» пожить и что «дважды два – четыре» есть начало смерти.*⁶ Н. Бердяев, всю жизнь посвятивший философской проблематике свободы, охарактеризует тему свободы у Достоевского как основную, тему метафизическую, которая никогда ещё не была так глубоко поставлена.⁷

¹ Бердяев Н. А. Русская идея. Судьба России. М.: Сварог и К, 1997. С. 175.

² Там же. С. 131–132.

³ Там же. С. 60–61.

⁴ Там же. С. 68.

⁵ Там же. С. 107.

⁶ Там же. С. 156.

⁷ Там же.

Заключение

В философском тексте Н. Бердяева *русская идея* рассматривается многоаспектно, в плане осмысления итогов изучения в русской историософии (философии истории) вопросов об объективных закономерностях и духовно-нравственном смысле исторического процесса и перспективах развития России. Анализируя своеобразие мировоззренческих установок выдающихся российских философов, богословов, писателей, Н. Бердяев выделяет в их индивидуальной концептуальной картине мира составляющие, которые имеют особый смысл и значение для характеристики идеологии *русская идея*.

Русская идея проявляется в процессе становления национального самосознания, формируется, обретает опыт самоотрицания, развивается, теряя несущественное и утверждая проверенные временем идеалы, тем самым реализуя право могущественного государства на национальную идентичность и свободное развитие.

Словосочетание *русская идея* в тексте сочинения Н. Бердяева представляет собой вербально-символическую форму национальной идентификации России и её народа с точки зрения определённой языковой личности с учётом особенностей её национально-культурного мировосприятия. В связи с этим семантика словосочетания *русская идея* в тексте амбивалентна, что обусловлено прежде всего его аксиологичностью и ориентацией на перспективы духовного развития.

Семантика словосочетания *русская идея* у Н. Бердяева определяется исключительно контекстуально. Автор выделяет многочисленные смысловые аспекты, относящиеся к особенностям российской истории и культуры, а также качествам русского менталитета, ценностным ориентирам общества, воплощённым в языковом зна-

ке. Языковыми средствами репрезентации идеологии *русская идея* в одноимённой книге Н. Бердяева, предопределяющими неисчерпаемое богатство контекстуальных смыслов составного наименования *русская идея*, являются: вводимые специальными маркерами фразовые аспектные характеристики данной идеологии; её аспектные контекстуальные (развёрнутые) определения; транслирующие семантику *русской идеи* прецедентные антропонимы и прецедентные тексты; терминологические единицы социальной философии, являющиеся в сочинении Н. Бердяева концептуальными доминантами лингвоментального конструкта *русская идея* и выполняющие в данном научном тексте методологическую функцию (*народ, нация, национальность, личность, государство, власть, общество, свобода, культура, вера, церковь, соборность, коммунитарность, мессианизм, христианство*); воплощённые в языковом знаке национально-культурные духовные ценности, определяющие специфику национальной ментальности (*правда, истина, справедливость, патриотизм, единение народов, трудолюбие, человечность, способность к состраданию...*).

Идеология *русская идея* в одноимённой книге Н. Бердяева являет собой особенности национально-культурного мировосприятия на определённом этапе цивилизационного развития России. Размышления великого философа в середине XX века об итогах русской мысли XIX века, представляющей *русскую идею*, обретают особую значимость сегодня. *Русскую идею* применительно к XXI веку, вероятно, ещё нужно вырастить. Однако духовный опыт Н. Бердяева помогает определить основные, традиционные национально-культурные ценностные доминанты национального самосознания на новом этапе социального развития России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 263 с.
2. Кочеров С. Н., Париков О. В. Философия русской идеи. М.: Русская Философия, 2022. 304 с.
3. Воробьёв В. В. Русская идея как лингвокультурологическое понятие // Лингвокультурология. М.:

- Российский университет дружбы народов, 2006. С. 147–155.
4. Козловская Н. В. Язык русской религиозной философии: от текста к термину и от термина к тексту. СПб: Своё издательство, 2018. 462 с.
 5. Малышева Е. Г. Идеологема как лингвокогнитивный феномен: определение и классификация // Политическая лингвистика. 2009. № 4 (30). С. 32–40.
 6. Стародубец С. Н., Белугина О. В., Колегова О. Ю. Идеологема «русская идея» в русской концептуальной и языковой картинах мира // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. № 2. С. 347–364. DOI: 10.22363/2313-2299-2023-14-2-347-364.
 7. Кочеров С. Н. В чём различие между философскими идеями и понятиями? // Вестник Мининского университета. 2021. Т. 9. № 4 (37). DOI: 10.26795/2307-1281-2021-9-4-15.
 8. Тимофеев С. Е., Стародубец С. Н. Идеологизированные составные наименования с атрибутом *русский* в современном русском языке // Русский язык в поликультурном мире: в 2 т. Т. 1. Симферополь: Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, 2020. С. 479–484.
 9. Тимофеев С. Е. Идеологема «русский мир» в современном политическом дискурсе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Теория языка. Семиотика. Семантика. 2018. Т. 9. № 1. С. 186–200.
 10. Бахтин М. М. Слово в романе / Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975. С. 72–233.
 11. Федорченко Е. А. О прецедентном имени Н. Бердяева в автобиографическом повествовании Л. Бородина «Без выбора» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2023. № 1. С. 67–76. DOI: 10.18384/2310-7278-2023-1-67-76.
 12. Нахимова Е. А. О классификации и дифференциации видов прецедентных феноменов в политической коммуникации // Политическая лингвистика. 2018. № 1. С. 41–46.
 13. Колесникова С. М. Контекстные и семиотические способы репрезентации «русской души» в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2021. № 3. С. 19–29. DOI: 10.18384/2310-7278-2021-3-19-29.

REFERENCES

1. Karaulov, Yu. N. (1987). *Russian Language and Linguistic Personality*. Moscow: Nauka Publ. (in Russ.).
2. Kocherov, S. N. & Parilov, O. V. (2022). *Philosophy of the Russian Idea*. Moscow: Russian Philosophy Publ. (in Russ.).
3. Vorobyov, V. V. (2006). Russian Idea as a Linguacultural Concept. In: *Lingvoculturology*. Moscow: Peoples' Friendship University of Russia. (in Russ.).
4. Kozlovskaya, N. V. (2018). *Language of the Russian Religious Philosophy: From Text to Term and from Term to Text*. St. Petersburg: Svoye Izdatlstvo Publ. (in Russ.).
5. Malysheva, E. G. (2009). Ideologeme as a Linguacognitive Phenomenon: Definition and Classification. In: *Political Linguistics*, 4 (30), 32–40 (in Russ.).
6. Starodubets, S. N., Belugina, O. V. & Kolegova, O. Yu. (2023). The Ideologem “Russian Idea” in the Russian Conceptual and Linguistic Pictures of the World. In: *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 14 (2), 347–364. DOI: 10.22363/2313-2299-2023-14-2-347-364 (in Russ.).
7. Kocherov, S. N. (2021). What is the Difference Between Philosophical Ideas and Concepts? In: *Vestnik of Minin University*, 9 (4). DOI: 10.26795/2307-1281-2021-9-4-15 (in Russ.).
8. Timofeev, S. E., Starodubets, S. N. (2020). Ideologized Compound Names with a Component “Russian” in the Modern Russian Language. In: *Russian Language in a Multicultural World. Vol. 1*. Simferopol: V. I. Vernadsky Crimean Federal University Publ., pp. 479–484 (in Russ.).
9. Timofeev, S. E. (2018). Ideologeme “Russian World” in the Modern Political Discourse. In: *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 9 (1), 186–200 (in Russ.).
10. Bakhtin, M. M. (1975). Word in the Novel. In: Bakhtin, M. M. *Questions of Literature and Esthetics*. Moscow: Fiction Publ., pp. 72–233 (in Russ.).

11. Fedorchenko, E. A. (2023). On the Precedent Name of N. Berdyaev in L. Borodin's Autobiographical Novel "Without a Choice." In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 1, 67–76. DOI: 10.18384/2310-7278-2023-1-67-76 (in Russ.).
12. Nakhimova, E. A. (2018). On the Classification and Differentiation of Types of Precedent Phenomena in Political Communication. In: *Political Linguistics*, 1, 41–46 (in Russ.).
13. Kolesnikova, S. M. (2021). Contextual and Semiotic Ways of Representing the "Russian Soul" in F. M. Dostoevsky's "The Brothers Karamazov." In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 3, 19–29. DOI: 10.18384/2310-7278-2021-3-19-29 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Федорченко Евгения Алексеевна (г. Люберцы) – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных дисциплин Российской таможенной академии; e-mail: fedorchenko-ea@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Evgeniya A. Fedorchenko (Lyubertsy) – Dr. Sci. (Philology), Prof., Prof., Department of Humanities, Russian Customs Academy;
e-mail: fedorchenko-ea@mail.ru